

мографов, которые черпали свои знания у Плиния, Марциана Капеллы, Макробия,⁷⁷ а образец переняли от «orbis terrarum» римской картографии,⁷⁸ мы тем не менее можем отметить определенные черты сходства их сочинений с трудом Козьмы. Причину этого сходства следует искать прежде всего в библейской космологии и сочинениях ранней патристической литературы, которые послужили общим базисом для формирования *imago mundi* всего христианского мира. Немаловажное значение для определения общих черт имеет и изменившаяся функция карты. Она потеряла свое практическое применение и научную значимость⁷⁹ и приобрела новую функцию: как и сакральное искусство, она служила толкованию священного писания.⁸⁰ Установлено, что большинство средневековых карт мира встречаются в исторических и энциклопедических сочинениях,⁸¹ в рукописях Библии.⁸² Карта мира стала синтезом мировоззрения, мифа и религии. Мир символов существовал для средневекового картографа параллельно с реальным миром и воспринимался им наравне с последним, поэтому карту мира можно рассматривать не только с точки зрения развития картографии, но и под углом зрения духовной культуры средневековья. Она приобретает самостоятельную роль как образ дедуктивно постулируемой картины мира.

В. И. МАЛОВ

ИТАЛЬЯНСКАЯ ШКОЛА ЛАТИНСКОЙ ПАЛЕОГРАФИИ И ТЕОРИЯ МАЛЛОНА—МАРИШАЛЯ¹

«Сегодня мы имеем историю не столько письма, сколько типов письма (*Schriftarten*). Палеография превратилась в генеалогию типов письма. В ней обстоит дело так же, как в Книге Бытия: Авраам родил Исаака, Исаак родил Иакова...», — так пи-

⁷⁷ *Peschel O.* Geschichte der Erdkunde im Mittelalter. München, 1865, S. 72; *Kretschmer K.* Einleitung in die Geschichte der Physischen Erdkunde im christlichen Mittelalter. Wien, 1889, S. 11—13.

⁷⁸ *Hamann G.* Op. cit., S. 54.

⁷⁹ Мы не имеем в виду традиций математической картографии, унаследованных от Птолемея, которые поддерживались в Византии на протяжении всего ее существования. См.: *Hunger H.* Die hochsprachliche Literatur der Byzantiner. München, 1978, Bd I, S. 511—513.

⁸⁰ Комментарий к Апокалипсису монаха Беатуса, к примеру, послужили образцом для целой семьи карт. См.: *Hamann G.* Op. cit., S. 53.

⁸¹ *Brinken A. D.* Op. cit., S. 137.

⁸² *Destombes M.* Monumenta cartographica vetustioris aevi A. D. 1200—1500. Amsterdam, 1964, t. I, p. 46.

¹ Написание этой статьи было бы невозможным без знакомства с рядом работ, напечатанных в труднодоступных для иностранного читателя изданиях. Автор выражает глубокую признательность за присылку ксерокопий этих материалов проф. Марии-Луизе Ломбардо (Римский государственный архив) и проф. Эмманюэлю Пуллю (Парижская школа хартий).

сал еще в 1924 г. австрийский палеограф Г. Штейнакер.² Когда латинская палеография только зачиналась, основное внимание ее создателей было уделено тому, чтобы выделить и классифицировать наиболее характерные и устоявшиеся типы, а затем уже вся история письма мыслилась как переходы от одного типа к другому, трактуемые в категориях генеалогического порядка. При этом старое «классификаторское» направление как бы не замечало разнородности самих типов письма: если одни из них (капитал, унциал) были подчинены жестким устоявшимся канонам, то образцы других (старый и новый римский курсив, так называемые «национальные» шрифты и др.) могли сильно различаться между собой по своему графическому составу. «Первые суть реальность, вторые абстракция», — утрированно подчеркивал это различие Штейнакер.³ Между тем эти абстракции стремились охватить все реальное многообразие графических вариантов: в принципе каждый почерк должен был быть «приписан» к определенной классификационной единице.

К началу XX в. несоответствие старого понятийного аппарата богатству накопленного палеографического материала стало достаточно заметным. Еще недавно очень ясная «родословная» типов письма все более усложнялась. Штейнакер мог насчитать уже пять теорий происхождения унциала и четыре — полуунциала, и не было видно критериев, чтобы оказать предпочтение одной из них. Наметились тенденции к чрезмерному дроблению и усложнению классификационных подразделений.

Программная статья Штейнакера призывала отказаться от самого классификаторского метода, заменить его историческим подходом. В основу изучения должны были быть положены не статичные типы письма, а тенденции его развития. А для этого следовало уделить особое внимание именно сфере смешанных почерков, чуждых строгой дисциплине канона, поскольку таких почерков абсолютное большинство и именно здесь свободно действовали различные графические тенденции. Эти тенденции очень разнообразны, но все они — будь то тенденция к экономии писчего материала, к скруглению форм букв и т. п. — так или иначе устанавливали связь палеографии с историей материальной и духовной культуры, неотъемлемой частью которой призвана была стать история письма.

Вопросы внутреннего механизма развития письма в начале XX в. были поставлены замечательным немецким палеографом Л. Траубе, благодаря которому в терминологический арсенал немецкой палеографии вошло понятие «Bedarfschrift», что можно перевести как «письмо практических потребностей», противопоставляемое книжному письму, как курсивное — каллиграфическому. Обе ипостаси письма, по Траубе, существуют повсюду, и

² *Steinacker H. Zum Liber Diurnus und zur Frage nach dem Ursprung der Frühminuskel.* — In.: *Miscellanea Fr. Ehrle.* Roma, 1924, vol. IV, p. 131.

³ *Ibid.*, p. 134.

пз их взаимодействия (книжное письмо стремится перенять у «письма практических потребностей» его беглость, а последнее — у книжного письма его разборчивость) возникают новые шрифты.⁴

Работы Штейнакера и Траубе дали сильный толчок формированию концепции основателя современной итальянской школы латинской палеографии Джорджо Ченчетти (1908—1970), создавшего важное теоретическое понятие «обычного письма». Основная методологическая статья Ченчетти «Старое и новое направление в изучении палеографии» появилась в итальянском журнале «Библиофилия» в 1948 г.⁵ Направления, о которых говорится в ее заглавии, автор определяет как классификаторское и «историзирующее» (*storicistico*); он полностью солидаризируется с призывом Штейнакера изучать в первую очередь тенденции развития письма во всем многообразии их проявлений. Термин «обычное (обиходное) письмо» (*scrittura usuale*) мыслится еще как перевод понятия Траубе «*Bedarfschrift*», и сам этот немецкий термин в указанной статье и в других работах Ченчетти неоднократно применяется как эквивалент итальянского понятия.

Что же такое, по мнению Ченчетти, «обычное письмо»? Отметим прежде всего важнейшее различие между понятиями у Ченчетти и Траубе. Если у немецкого палеографа «письмо практических потребностей» противостояло книжному письму (критерий деления всецело лежал в сфере целевого назначения письма, и сам термин «*Bedarfschrift*» позволял объединить письмо частных записей и официальных документов), то у Ченчетти «обычному письму» противостоит «канонизированное» (т. е. те же *Schriftarten*, о которых писал Штейнакер). Но ведь канонизированные типы письма существовали не только в книгах, свои парадные шрифты имело и письмо документов, и вовсе не всякое книжное письмо было канонизированным. Поэтому Ченчетти разъясняет: «Обычное письмо не обязательно является курсивным, это просто письмо, не подчиненное жесткости неизменных правил, способное применяться к обычным жизненным потребностям, как практическим, так и интеллектуальным»⁶ (в число этих интеллектуальных потребностей входит и потребность в определенной декоративности почерка). Таким образом, свободное от канонов обычное письмо является благодаря этой свободе тем полем, на котором действуют разные графические тенденции; поэтому именно здесь происходят процессы, определяющие развитие письма в целом. В разных сферах письменной

⁴ *Traube L. Einleitung in die lateinische Philologie des Mittelalters.* — In: *Traube L. Vorlesungen und Abhandlungen.* München, 1911, Bd II. S. 23—24.

⁵ *Chenetti G. Vecchi e nuovi orientamenti nello studio della paleografia.* — *La Bibliofilia.* Firenze, 1948, L. p. 4—23.

⁶ *Ibid.*, p. 6.

активности эти тенденции различны. Если обычное письмо применяется в сфере официальных документов, действует тенденция к торжественности, в сфере книжного письма существует тенденция к ясности, разборчивости. В этом понимании обычное письмо включает в себя не только беглые, но и достаточно парадные почерки как документов, так и книг; от канонизированного письма его отличает отсутствие обязательных канонов, создающихся тогда, когда различные тенденции приходят в устойчивое равновесие и «прекращают свою трансформирующую активность». ⁷ Достижение стадии канонизации типы письма теряют способность развития и со временем вступают в непримиримое противоречие с продолжающим развиваться обычным письмом.

Итак, обычное письмо, объединяющее все образцы письма, кроме канонизированных типов, предстает перед нами как нечто весьма неоднородное по своему составу; объединить в одно понятие все его проявления можно, только прибегнув к высокой степени абстракции. Но в то же время остается в силе и его понимание, основанное на целевом критерии и связанное с происхождением из термина «Bedarfsschrift»: это «деловое, обычное, повседневное письмо, используемое при всякой жизненной необходимости». ⁸ Такая трактовка как бы устанавливала особую связь обычного письма с небрежным курсивом частных записей. Таким образом, противоречие между «абстрактным» и «конкретным» толкованием термина «обычное письмо», породившее впоследствии весьма противоречивые суждения, было заложено в понятие уже при его зарождении. ⁹

Несмотря на очевидную перекличку высказываний Ченчетти и его предшественников, оригинальность построения итальянского ученого выступает очень ярко. Штейнакер противопоставлял «типам письма» вовсе не атипическое письмо как таковое, а графические тенденции, и в этом противопоставлении динамики статике для него главным было выявление причин развития письма, которые лежали за пределами собственно палеографии. Напротив, Ченчетти (как и Траубе) ставит вопрос о внутреннем механизме развития и среди графических тенденций имеет в виду прежде всего те, которые были связаны с осознанием имманентных, целевых особенностей письма книг или официальных документов. В отличие же от Траубе он стремится решить вопрос о механизме развития письма абсолютным образом, применительно ко всей его истории. Если Траубе говорит лишь о постоянном взаимодействии двух сфер письма, то Ченчетти постулирует непамятный примат одной из них над другой.

⁷ Ibid., p. 8.

⁸ Ibid., p. 5.

⁹ О разных толкованиях термина в советской палеографии см. нашу работу: Малов В. Н. Происхождение современного письма: Палеография французских документов конца XV—XVIII в. М., 1975, с. 10—12.

Нельзя не отметить односторонность такой постановки вопроса, абстрагирующей от конкретно-исторических условий на разных этапах истории письма. Вызывает возражения прежде всего представление о том, что канонизированное письмо в основном играло пассивную роль. Вопрос о роли канона в истории письма вообще нельзя смешивать с вопросом о его способности (точнее, неспособности) к дальнейшему развитию. Неподвижность канонизированных типов письма была оборотной стороной и предпосылкой их авторитетности, представления о них как о хранилище чистых форм, и общество, когда приходила потребность, это хранилище открывало. Сам Ченчетти сделал характерную оговорку о том, что «канонизированное письмо не лишено вообще всякой плодотворности».¹⁰ Но эта мысль так и осталась у него именно оговоркой, применимой к отдельным конкретным случаям, но не влияющей на общий характер концепции.

Тем не менее исключительная четкость постановки вопроса о механизме развития письма безусловно привлекла внимание к этой важнейшей теоретической проблеме и составила заслугу Ченчетти перед латинской палеографией.

История древнеримского письма не случайно оказалась в центре интересов современной палеографии. Именно в этой сфере за последние сто лет благодаря множеству археологических находок и публикаций знания ученых особенно обогатились, и несводимость фактического материала к старым теоретическим схемам стала особенно наглядной. Между тем в отличие от письма раннесредневекового периода, пользовавшегося прежде предпочтением палеографов, письмо эпохи Римской империи развивалось не в отдельных разрозненных центрах, а в условиях достаточно широкого распространения грамотности, деловой активности. В этой связи вопросы о причинах и механизме развития письма, роли в нем канонизированных и обычных почерков вставали особенно остро, и не случайно этот импульс к теоретическому осмыслению графических процессов исходил от специалистов в области древнеримской палеографии.

Старая схема предполагала, что исходным пунктом истории латинского письма был капитальный шрифт, а затем развитие в сфере письма книг и документов происходило автономно и эволюционным образом: в книгах капитал порождает унциал, а последний — полуунциал; в документах на базе капитала возникал старый римский курсив, из него постепенно развивался новый и т. д. Об активном взаимодействии между письмом книг и письмом документов считалось возможным говорить лишь применительно ко времени складывания каролингского мипускула. Несмотря на все оговорки и конкретные уточнения схемы, на свой интерес к роли курсивного начала в истории древнеримского

¹⁰ *Cencetti G. Op. cit., p. 10.*

письма, на этих позициях в целом стоял такой авторитетный итальянский палеограф начала XX в., как Луиджи Скиапарелли. По его мнению, все основные формы книжной графики развивались именно в письме книг, а документальной — в письме документов, и, когда речь идет о выработке совершенно аналогичных графических форм, нет никаких оснований говорить о влиянии курсива на книжное письмо (или наоборот) иначе как о побочном факторе: даже такие задачи в той и другой сфере решались в основном самостоятельно, силой спонтанного развития.¹¹

Этому представлению об относительной разгороженности в развитии книжного письма и курсива был брошен вызов

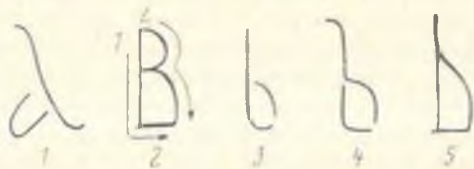

Рис. 1. Формы буквы *b* в старом и новом римском курсиве и в «капитальном» письме.

в конце 1930-х гг. молодым французским палеографом Жаном Маллоном, провозгласившим совсем иное понимание истории древнеримского письма. В его работе 1938 г. «Замечания о различных формах буквы *b* в латинском письме»¹² уже были высказаны тезисы весьма широкого характера, хотя исходным пунктом для них действительно были наблюдения над одной буквой.

По Маллоу, в древнеримском курсиве вначале существовало только *b* с дужкой слева (рис. 1, 1), представлявшее курсивное осмысление капитального *b* (рис. 1, 2); знакомое же нам *b* с дужкой справа (рис. 1, 3) появляется не раньше IV в. н. э., оно графически не выводится из формы старого курсива и могло произойти лишь из каллиграфической формы книжного письма, образовавшейся путем простого сознательного упразднения верхней дужки второго элемента капитальной формы. Таким образом, решающее изменение произошло в сфере книжного письма, и, приняв букву *b* за показательную для всего римского курсива, Маллон дает схему, согласно которой в письме книг шло развитие от капитала к первоначальному минускулу, старый римский курсив являлся порождением первого, а новый — второго, по ликакой органической, спонтанной трансформации одного вида курсива в другой не происходило.

¹¹ Schiaparelli L. La scrittura latina nell' età romana: (Note paleografiche). Como, 1921, p. 48, 52—53.

¹² Mallon J. Remarques sur les diverses formes de la lettre «b» dans l'écriture latine. — Bibliothèque de l'École des Chartes. Paris, 1938, vol. XCIX, p. 229—242.

Безусловно, слабым местом всего построения была чрезмерная склонность Маллона к аргументации от «очевидной невозможности», хотя такого рода суждения всегда субъективны и ненадежны. Сам Маллон упоминает о существовании в старом курсиве таких графем, которые легко можно принять за новое *b* (рис. 1, 4), хотя по своему дукту они представляли старое *b* с дужкой слева. Подобные формы были источником ошибок палеографов; однако Маллон не учитывает, что переход от них к новому *b* (всего лишь переосмысление дукта) никак нельзя априори считать невозможным в рамках курсива. Но за Маллона говорил тот факт, что примеров *b* с дужкой справа в старом римском курсиве действительно приводилось очень мало, и попытка опровергнуть их все, объяснив ошибками издателей надписей, вовсе не выглядела беспочвенной. Сама же решительность заявления французского палеографа о невозможности существования *b* с дужкой справа до IV в. н. э. прямо апеллировала к экспериментальной проверке, стимулировала дальнейшие изыскания и уже поэтому сослужила свою службу науке.

Вскоре Маллон развил свою схему, уточнив причины трансформации книжного письма между I и III вв. н. э. Сравнив между собой два фрагмента («*De bellis macedonicis*» и «*Epitome Livii*»), первый из которых исполнен капитальным письмом, а второй — первоначальным минускулом, Маллон обратил внимание на то, что образование новых форм букв и новое распределение утолщений и волосных линий можно объяснить исходя из старых форм, если допустить сильное изменение «угла письма» (т. е. угла орудия письма к строке), что и было связано им с переходом от свитка к кодексу.¹³

Во введении к вышедшему в 1939 г. палеографическому альбому, составленному Маллоном и двумя другими французскими палеографами Р. Маришалем и Ш. Перра,¹⁴ его издатели ясно определили свою позицию новаторов по отношению к старой «классификаторской» палеографии. Капитальное письмо и каролингский минускул рассматривались ими как начальный и конечный пункты эволюции, но обоснованность всех классификационных делений между ними была поставлена под сомнение, а традиционное классифицирование таблиц альбома по типу письма решительно отвергнуто. Французские палеографы призывали

¹³ *Mallon J. Observations sur quelques monuments d'écriture latine calligraphiques dans les cinq premiers siècles de notre ère. — Arts et métiers graphiques. Paris, 1er janvier, 1939, 66, p. 37—40.* — Впоследствии, учитывая, что первый текст был фрагментом кодекса, а второй — свитка, Маллон стал воздерживаться от уверенного объяснения причин перемены угла письма, но его соратник Р. Маришаль сохраняет прежнюю гипотезу. Действительно, смутившее Маллона обстоятельство вполне может быть объяснено случайными находок, если принять, что процесс перехода к кодексу был достаточно длительным.

¹⁴ *Mallon J., Marichal R., Perrat Ch. L'écriture latine de la capitale romaine à la minuscule. Paris, 1939.*

к созданию единой истории письма, к уничтожению искусственных перегородок между разными дисциплинами, изучающими памятники древней письменности, — палеографией, эпиграфикой, папирологией, — а также к устранению разобщенности в изучении письма книг и документов. При изучении памятников курсивной графики их особенно интересовала возможность расширить знания о формах служившего для нее образцом капитального письма.

Новый палеографический альбом обратил на себя внимание Ченчетти, посвятившего ему специальную рецензию.¹⁵ Итальянскому палеографу были известны также статьи Маллона. Ченчетти, разумеется, приветствовал выступление французских ученых против «классификаторского» направления в палеографии, сделав, впрочем, вполне резонную оговорку, что канонизированные типы письма также являются исторической реальностью и поэтому должна быть сохранена соответствующая им старая номенклатура. Однако уже по этой рецензии, в которой ставился вопрос о формировании нового римского курсива как необходимом условии выработки книжного минускула, чувствовалось, что история древнеримского письма рассматривалась Ченчетти по сравнению с французскими палеографами совсем в ином аспекте. Между тем точка зрения французов была вскоре, в 1948 г., в развернутом виде изложена Маришалем в статье «От римского капитала к минускулу».¹⁶ «Именно в книжном письме, — писал Маришаль, — в сфере каллиграфин, а не в курсиве произошла эволюция, приведшая от капитала к первоначальному минускулу».¹⁷

Понятно, что подобное провозглашение примата каллиграфии прямо противоречило основному тезису Ченчетти об определяющей роли обычного письма. Концепция Маллона и Маришала основывалась на представлении о невыводимости нового римского курсива из старого, о «цезуре» между ними. Перед Ченчетти поэтому встала задача дать собственную картину истории древнеримского письма документов, которая показала бы возможность его саморазвития независимо от влияния письма книг. Эту задачу он постарался выполнить в 1950 г. в статье «Палеографические заметки о письме латинских папирусов I—III в. н. э.».¹⁸

В результате изучения папирусов Ченчетти отверг прежние упрощенные представления о чисто эволюционном развитии от старого римского курсива к новому. Новая теория менее всего могла быть повторением эволюционистской схемы Скиапарелли

¹⁵ *La Bibliofilia*. Firenze, 1947, XLIX, p. 95—101.

¹⁶ *Marichal R.* De la capitale romaine à la minuscule. — In: Audin M. *Somme typographique*. Lyon, 1948, vol. I, p. 63—111.

¹⁷ *Ibid.*, p. 75.

¹⁸ *Cencetti G.* Note paleografiche sulla scrittura dei papiri latini dal I al III secolo d. C. — *Memorie dell' Accademia delle Scienze dell' Istituto di Bologna*. Ser V. Classe di scienze morali. Bologna, 1950, t. I, p. 3—54.

уже потому, что была осмыслена большая разнородность письма древнеримских документов, отнюдь не покрывавшаяся тем понятием о «старом римском курсиве», которое сложилось на основе наиболее каллиграфически оформленного письма официальных документов.

Состояние письма римских документов до II в. н. э. представляется Ченчетти очень сложным. Здесь действовали разнообразные тенденции — и тенденция воспроизведения книжного капитального письма, и противоположная ей тенденция переноса на письмо папирусов форм и техники письма на восковых табличках, и восторжествовавшее, наконец, стремление к созданию слитного беглого письма, невозможного в курсиве восковых табличек. Разнообразен был и графический состав: вполне современные формы курсивных *m*, *n*, *r* спорадически встречаются уже в это время. Однако с начала II в. н. э. отмечается важное явление, связываемое Ченчетти с оформлением бюрократического аппарата империи. Появляется регуляризованный курсив официальных документов: тот самый крупный, изобиловавший лигатурами шрифт с регулярным наклоном вправо, который и получил у палеографов по преимуществу название «старый римский курсив». Еще не обладая своим жестким канонем, он явно развивался в этом направлении. И на важнейший вопрос, был ли способ такой курсив спонтанно, эволюционным образом к началу IV в. перерасти в новый римский курсив, Ченчетти отвечает безоговорочным отрицанием. Никаких тенденций к такому перерастанию в письме III в. незаметно; напротив, «старый римский курсив» все более кристаллизуется, стремясь к канонизированию определяющих его норм и отбрасывая чуждые элементы. Но из этой констатации, как бы идущей навстречу тезису Маллона и Маришалья, Ченчетти сразу же делает вывод, связанный с его общетеоретическими построениями: раз в «старом римском курсиве» не происходили процессы перерастания в новый курсив, значит, этот каллиграфический вариант нужно исключить из понятия «обычное письмо». «Наряду с ним в общем употреблении должен был существовать другой курсив, беглое выражение обычного письма...»¹⁹ Иными словами, речь идет о курсиве частных документов и записей, образцов которого для переходной эпохи III в. было тогда известно исключительно мало. В этой-то сфере, по мнению Ченчетти, и должны были происходить важнейшие процессы, определявшие развитие древнеримского курсива в целом.

Статья не ставила вопроса о влиянии курсива на книжное письмо. Решительно отвергая мысль Маллона и Маришалья об определяющей роли книжной каллиграфии, Ченчетти все же обошелся без противопоставления письма документов письму книг, поскольку, как мы помним, обычное письмо в его понимании существовало и в книгах. Но ему действительно удалось ослабить

¹⁹ Ibid., p. 39.

основной довод французских палеографов указанием на сложность реального развития курсива, характеризовавшегося внутренним противоречием между каллиграфическим и обычным письмом.

Тем временем Маришаль внес известные коррективы в схему Маллона, которые, впрочем, не только не изменили ее существа, но даже подчеркнули ее направленность против концепции Ченчетти.²⁰ Дело в том, что в своей статье 1938 г. Маллон не мог с уверенностью опровергнуть три случая употребления *b* с дужкой справа из помпейских настенных надписей, о которых можно было судить лишь по старым прорисовкам. Стремясь выяснить вопрос, Маришаль специально ездил в Помпеи. Результаты этой поездки оказались неожиданными: Маришалю действительно удалось отвергнуть три «нежелательные» *b*, но вместо них он сам же выявил четыре новые *b* с дужкой справа, ранее не замеченные издателем помпейских надписей. От категоричности суждений Маллона пришлось отказаться. Однако Маришаль тут же отметил, что эти курсивные *b* характерны для достаточно старательных надписей, ориентировавшихся на особый вид капитального *b*, которое он условно назвал «барочным» (рис. 1, 5). Поэтому появление их было феноменом изолированным, спорадическим и не имевшим будущности; напротив, оно только подчеркивало зависимость курсивных форм от капитальных шрифтов, неизбежность главного тезиса французских палеографов о возникновении минускула из капитала в книжном письме. «Итак, — констатировал Маришаль, — совершенно неправдоподобно, чтобы эта форма была распространена в том „обычном письме“, которое Ченчетти противопоставляет письму официальному, упрекая нас, что мы пользуемся исключительно последним. . .»²¹

Казалось, дело дошло до прямого противостояния двух теорий, но не успела еще выйти в свет статья Маришалья, как ситуация уже изменилась. В 1952 г. Маллон впервые ввел в свой арсенал понятие «обычное письмо», соответственно модифицировав свою концепцию.

В нашу задачу не входит анализ всей богатой идеями книги Маллона «Римская палеография»,²² с которой советский читатель хорошо знаком благодаря работам А. Д. Люблинской.²³ Здесь будет достаточно рассмотреть вопрос о понятии «обычное письмо» у Маллона, заранее оговорив, что речь пойдет об одной из наиболее уязвимых для критики сторон книги.

²⁰ *Marichal R.* Le «B» «à panse à droite» dans l'ancienne cursive romaine et les origines du «B» minuscule. — In: *Studi di paleografia, diplomatica, storia e araldica in onore di C. Manaresi.* Milano, 1953, p. 345—363.

²¹ *Ibid.*, p. 362.

²² *Mallon J.* *Paléographie romaine.* Madrid, 1952. 189 p.

²³ Люблинская А. Д. 1) Новая теория развития позднеримского письма. — Средние века, 1958, вып. XI, с. 145—155; 2) Латинская палеография. М., 1969, с. 54—59.

Сделать это тем более необходимо, что А. Д. Люблинская, не рассматривавшая концепцию Маллона в ее становлении и не будучи знакома со статьями Ченчетти 1948 и 1950 гг., переоценила значение идеи об определяющей роли обычного письма для общей системы взглядов французского палеографа.

Приоритет в выдвижении этой идеи, как мы видели, бесспорно принадлежит Ченчетти. Однако Маллон не пишет о нем как о своем предшественнике и понятие «обычное письмо» обозначает не термином «*écriture usuelle*», что было бы очевидной калькой с итальянского термина, а синонимичным «*écriture commune*». Это обстоятельство формально не дает нам права переносить на маллоновское понятие определение, данное Ченчетти, но и собственного определения обычного письма Маллон не приводит.

К введению понятия «обычное письмо» французского ученого привела потребность противопоставить парадный капитальный шрифт более скромным и беглым почеркам. Обычное письмо противостоит не капитализированному письму вообще, как у Ченчетти, а конкретно капиталу, при этом само оно именуется также просто «курсивом». Поскольку для I в. н. э. как хронологически исходного пункта своего исследования Маллон констатирует внутреннее графическое единство форм капитала и курсива, то оно объясняется уже не усвоением обычным письмом каллиграфических норм капитала, как ранее, а их общим происхождением от некоего распространенного в предшествующий период «первоначального письма», и даже внешний вид этого письма реконструируется: оно должно было иметь те же формы, дукт и угол письма, что и капитал I в. н. э., но быть гораздо мельче и легче. Из первоначального письма самостоятельно и спонтанно развились и капитал, и курсив. Первый возник механическим путем простого укрупнения и «утяжеления» форм букв, потеряв при этом способность активно влиять на развитие письма: «Модуль и тяжелый вес капитала делают его уже в конце I в. д. н. э. неспособным породить курсив». ²⁴ Между тем курсив «есть фактически это самое первоначальное письмо, сохранившее свой малый модуль и легкость, но видоизменившее свои формы благодаря очень долгой практике в беглости». ²⁵ Само же первоначальное письмо, как предполагает Маллон, «употреблялось в качестве обычного письма задолго до христианской эры». ²⁶

Таким образом, в этой части своей схемы Маллон действительно пришел к идее об определяющей роли спонтанных процессов, происходивших в сфере обычного письма. Однако легко заметить, что, покуда речь идет о графических процессах до I в. н. э., тезисы Маллона являются просто цепью априорных постулатов, не поддающихся проверке, поскольку от тех времен не дошло памятников курсивной графики. О реальной значимости этих те-

²⁴ Mallon J. Paléographie romaine, p. 48.

²⁵ Ibid.

²⁶ Ibid., p. 47.

зисов для Маллона можно судить лишь по тому, насколько они согласуются с созданной им картиной последующего развития древнеримского письма.

Хорошо известно, какое значение для теории Маллона имело сопоставление двух фрагментов: «*De bellis macedonicis*» и «*Eritome Livii*». Казалось бы, если все определялось развитием обычного письма, оба они должны быть причислены к этой сфере. Но как раз такого шага Маллон не делает. Он пишет: «Письмо „*De bellis*“ не есть ни обычное письмо, ни капитал, но письмо специальное и в то же время весьма классическое благодаря своей комбинации элементов, заимствованных из капитала и обычного письма (модуль из обычного письма, вес из капитала, большинство форм из капитала, некоторые формы из обычного письма)...»²⁷ И хотя в другом месте Маллон стремится подчеркнуть, что оба фрагмента исполнены «беглым письмом обычных, скромных книг, в максимально возможной степени чуждых всякой тяге к роскоши и каллиграфической аффектации»,²⁸ но сам же он приводит достаточно образцов действительно курсивного письма в книгах (см. его табл. VI, XVI, I, в меньшей мере табл. X, I), чтобы понять, что оба фрагмента стоят далеко не на самой нижней ступени в иерархии книжных почерков и написаны безусловно парадными (хотя и не ультрапарадными) книжными шрифтами.

Итак, фактически оказывается, что решающие процессы в ходе перестройки римского письма в I—III вв. п. э. все же произошли в сфере умеренно парадного книжного письма.

Полностью сохраняется и старый тезис о цезуре в развитии между старым и новым римским курсивом. «Новый курсив, — пишет Маллон, — пришел на смену старому в качестве обычного письма, но произошел не от него».²⁹ В этой сжатой формуле отразилась вся противоречивость теории Маллона в ее новой модификации.

Во-первых, видно, до какой степени смешиваются понятия «обычное письмо» и «курсив». Маллон не учитывает идею Ченчетти о неоднородности курсива и готов безоговорочно включить в состав обычного письма даже самые парадные почерки официальных документов, лишь бы это был не книжный капитал. Недаром рецензировавший его книгу пиведский палеограф Я.-О. Чедер не мог уяснить, зачем вообще понадобилось Маллону понятие «обычное письмо», и советовал заменить его «курсивом».³⁰

Во-вторых, — и это главное — достаточно последовательный теоретик, принявший идею об определяющей роли обычного письма, не может признавать, что обычное письмо какой-либо

²⁷ Ibid., p. 87.

²⁸ Ibid., p. 80—81.

²⁹ Ibid., p. 111.

³⁰ *Tjäder J.-O.* Die Forschungen Jean Mallons zur römischen Paläographie. — Mitteilungen des Instituts für Österreichische Geschichtsforschung Wien, LXI, 1953, S. 389.

эпохи произошло не из предшествовавшего ему обычного письма. Для Ченчетти, как мы видели, континуитет в развитии обычного письма сам собою вытекает уже из определения этого понятия. Маллон, очевидно, не заметил, до какой степени его тезис противоречит всей гипотетической «реконструкции» развития римского письма до I в. н. э., основанной как на чем-то само собой разумеющемся на идее спонтанной трансформации обычного письма.

Конечно, введение понятия «обычное письмо» позволило Маллону уточнить его теорию. В ней появилась созвучная идеям Ченчетти (и столь же односторонняя) мысль об ультрапарадных шрифтах как о тупиковых вариантах развития, лежащих вне его основного русла. Тем самым существенно ограничивался и развивавшийся ранее французскими палеографами тезис об определяющей роли каллиграфии.

Однако эти уточнения по существу делались лишь применительно к сфере книжного письма. Если же иметь в виду историю письма в целом, то теория Маллона осталась тем же, чем была и ранее, — теорией примата книжного (т. е. более каллиграфичного) письма над курсивным. При неразграниченности понятий «обычное письмо» и «курсив» идея о цезуре в развитии римского курсива вступала в непримиримое противоречие с идеей об определяющей роли обычного письма и явно перевешивала уже потому, что она была подкреплена определенными фактическими обоснованиями, а не чисто спекулятивными построениями.

После выхода книги Маллона Ченчетти заявил, что новая позиция французского ученого позволяет прийти к согласию в основном: «Идеи Маллона и наши... в конечном счете и в основном совпали».³¹ Усвоение (даже и непоследовательное) Маллоном понятия «обычное письмо» было сочтено Ченчетти гораздо более существенным моментом, чем разногласия по конкретным вопросам древнеримской палеографии. Напомним, что сам он понимал границы термина «обычное письмо» очень широко, и в них вполне могли найти себе место умеренно парадные книжные почерки. Еще в 1950 г. он писал: «Во всяком случае даже если бы мы приняли теорию Маллона — Маришалья, эта выработка (минускула. — В. М.) могла бы произойти лишь в неканонизированном книжном письме».³² Теперь он мог с удовлетворением констатировать принятие такой поправки.

И все же миролюбие Ченчетти нельзя объяснить, не учитывая, что в середине 1950-х гг. он усиленно подчеркивал абстрактность понятия «обычное письмо». В своей книге «Очерк истории латинского письма» (1954 г.) он вводил этот термин таким образом: «Всегда и везде характер спонтанного письма отдельных индивидуумов («почерк», «каллиграфия» каждого) может быть более

³¹ Cencetti G. Ricerche sulla scrittura latina nell' età arcaica. I. Il filone corsivo. — *Bullettino dell' Archivio paleografico italiano*. Roma, 1956—1957, Nova serie, vol. II—III, parte I, p. 177.

³² Cencetti G. Note..., p. 28.

или менее различным; однако все почерки имеют нечто общее, по крайней мере некую идеальную модель, схему, форму, можно сказать, почти платоновскую идею знаков алфавита. Эта общность, это постоянное в индивидуальных почерках (которое некоторым образом охватывает их все и потому не может быть ограничено и определено точными и неизменными правилами, но все же обладает своими собственными единообразными чертами) и составляет обычное письмо данного времени и данного места». ³³ Иными словами, ни один реальный почерк, строго говоря, нельзя назвать образцом обычного письма, его можно лишь рассматривать как одно из более или менее удачных воплощений некоего идеала. Конечно, подобный подход ослаблял остроту противоречий с Маллоном.

Очень скоро Ченчетти стало ясно, что для обозначения абстрактной, идеальной модели письма требуется новое понятие; дальнейшее объединение этой идеи со старыми представлениями о конкретном, целевом содержании обычного письма могло привести только к недоразумениям. С 1956 г. в его работах появляется термин «нормативное письмо» (*scrittura normale*) как неотжественный понятию «обычное письмо», ³⁴ а в 1960 г. новое понятие получило развернутое определение как совокупность идеальных графических моделей. ³⁵ Старый термин «*scrittura usuale*» стал обозначать в противоположность ему все реальное богатство индивидуальных проявлений нормы, и именно это противостояние его абстрактному нормативному письму (а не конкретному канонизированному, как ранее) выдвинулось на первый план, так что весь процесс развития письма, как «постоянное взаимодействие между „обычными“ формами... и их моделями», ³⁶ стал рассматриваться Ченчетти в более абстрактном аспекте.

Установившееся согласие французской и итальянской школ носило формальный характер, и конкретные исследования по истории древнеримского письма неизбежно должны были выявить его непрочность. В 1960-х гг. в роли «возмутителя спокойствия» выступил ученик Ченчетти, ныне один из признанных лидеров итальянской палеографии Армадо Петруччи. ³⁷

В центре внимания Петруччи были надписи I—II вв. н. э., исполненные лицами, далекими от профессиональной письменной

³³ Цит. по: *Cencetti G. Paleografia latina. Roma, 1978, p. 23—24; cf.: Pratesi A. Giorgio Cencetti dieci anni dopo: tentativo di un bilancio. — Scrittura e civiltà. Torino, 1980, fasc. 4, p. 8.*

³⁴ *Cencetti G. Ricerche...*, p. 178.

³⁵ *Cencetti G. Paleografia...*, p. 25; *Pratesi A. Op. cit.*, p. 9.

³⁶ *Cencetti G. Paleografia...*, p. 25.

³⁷ *Petrucci A. 1) Per la storia della scrittura romana: i graffiti di Condatomagos. — Bullettino dell' Archivio paleografico italiano. Roma, 1962, ser. 3, vol. 1, p. 85—132; 2) Nuove osservazioni sulle origine della B minuscola nella scrittura romana. — Ibid., 1963—1964, ser. 3, vol. II—III, p. 55—72.*

практики: торговцами и ремесленниками из римских провинций. Развивая взгляды своего учителя, он стремился показать многоформенность, характеризовавшую в I в. н. э. это бесспорно обычное письмо в самом конкретном смысле термина. Так, в надписях этого времени на черепках из галльского селения Кондатомас (там были большие печи для обжига керамических изделий) Петруччи отмечает наряду с обычным а старого курсива (рис. 2, 1) ряд очень причудливых форм этой буквы (рис. 2, 2, 3) и среди них форму, предвосхищающую унциальное а (рис. 2, 4). Столь же разнообразные облики принимала и буква b (классическая форма старого курсива с дужкой слева, ее «барочный» вариант, упрощенные и искаженные начертания капитальной формы и, наконец, форма с дужкой справа, поиском которой Петруччи, понятно, придает особое значение). Это же можно сказать о бук-

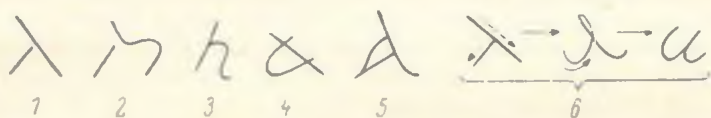

Рис. 2. Формы буквы а в старом и новом римском курсиве и ее возможная эволюция.

вах р, v и др. Причины подобной неупорядоченности Петруччи видит в весьма рудиментарном обучении грамоте низов провинциального населения, сводившемся к беглому знакомству с алфавитом капитальных букв.

Очень интересны наблюдения над тем, как меняется положение во II в. н. э., веке широкого распространения образованности и культуры. Тогда в надписях из Кондатомасоса происходит ярко выраженный процесс униформизации, для каждой буквы выделяется одна господствующая форма, и именно та, которая стала характерной для классического старого римского курсива. Это явление Петруччи расценивает как «стагнацию», «реакцию на процесс упрощения капитала и развития новых форм» в обычном письме.³⁸ Причиной этого была регуляризация обучения письму на начальном уровне, оказывав свое влияние и престиж официального стиля канцелярских документов. Разумеется, с наступлением острейшего социально-политического кризиса в III в. н. э. сдерживавшие спонтанное развитие обычного письма факторы отпадают и в самой каллиграфии происходит переоценка ценностей, подобно тому как в искусстве того времени грубоватый провинциальный стиль берет верх над утонченным стилем центра. Перемены же в письме книг, отмеченные Маллоном и связанные с изменением угла письма, «скорее всего были просто следствием адаптивования книжного письма, канонизацией письма уже дей-

³⁸ Petrucci A. Nuove osservazioni. . . , p. 58—59.

ствовавшего и развившегося... в сфере широкого обихода»,³⁹ где и происходило складывание нового, мипускульного курсива.

Маришаль подверг обе статьи Петруччи обстоятельному критическому разбору.⁴⁰ Не везде аргументация итальянского палеографа оказалась удачной. Маришально удалось опровергнуть или поставить под сильное сомнение в особенности примеры широкого распространения буквы *b* с дужкой справа в I—II вв. н. э.; как мы помним, само по себе спорадическое возникновение подобных графем им вполне допускалось, но лишь как результат подражания «барочному» стилю капитального письма в достаточно старательных почерках. В том что касается буквы *a*, Маришаль признает, что на образование ее унциальной формы в принципе могла повлиять курсивная (рис. 2, 4), но и тут главную роль отводит влиянию существовавшей еще в I в. н. э. формы «барочного» капитала (рис. 2, 5). При всей конкретности спора хорошо видно, что основное расхождение между Маришалем и Петруччи лежит в теоретической сфере, в диаметрально противоположной оценке потенций обычного письма. Одно и то же обстоятельство — то, что анализируемые надписи принадлежали полуграмотным выходцам из низов римского общества, — для итальянского палеографа было показателем особой значимости и гарантией типичности наблюдаемой картины, а для Маришалья — лучшим обоснованием их несущественности для общей картины эволюции. «Нельзя понять, — пишет он, — почему римские учителя письма в III в. вдруг стали искать у своих самых плохих учеников те модели букв, которые встречались в их собственной практике уже в течение двух веков».⁴¹

Конечно, этот довод скорее броский, чем убедительный. Маришаль слишком абстрагируется от конкретно-исторических условий кризисного III в. н. э., очень неблагоприятных для успеха идущего «сверху вниз» воздействия каллиграфии на обычное письмо. Склонность французской школы к подобному абстрагированию, ее известный «технологизм» («большая склонность к рассмотрению... технических факторов в себе и для себя, чем сложных аспектов исторической среды») были отмечены Петруччи в его первой статье.⁴²

Интерес Петруччи к проблеме обучения письму в дальнейшем стал определяющим для его научной позиции. Он ввел в палеографическую терминологию понятие «элементарное письмо» (*scrittura elementare di base*) для обозначения неумелых почерков, важных как свидетельства о нормах, принятых в преподавании. Это направление исследований — одно из самых интересных

³⁹ *Petrucci A. Per la storia...*, p. 129, nota.

⁴⁰ *Marichal R. Rapport sur les conférences: paléographie latine et française.* — Ecole pratique des Hautes Etudes. IVe section: sciences historiques et philologiques. Annuaire 1967—1968. Paris, 1968, p. 295—314.

⁴¹ *Ibid.*, p. 313.

⁴² *Petrucci A. Per la storia...*, p. 127.

в современной палеографии — заслуживает внимания уже потому, что оно наилучшим образом позволяет конкретизировать и «свести на землю» возведенное Ченчетти в ранг «платоновой идеи» понятие «нормативного письма». Но Петруччи идет еще дальше: в исследовании конкретных способов обучения письму, различных для разных общественных слоев, он видит средство понять социальную функцию письма, придать палеографии социологический характер, установить ее связь с изучением отношений между социальными группами и классами.

Мы не можем здесь подробно останавливаться на этой тенденции в развитии палеографии, которая вполне могла бы быть темой специальной работы. Отметим лишь как непосредственно относящуюся к нашей теме, прозвучавшую в одной из последних работ Петруччи критику в адрес маллоновского термина «*écriture commune*», в многозначности которого итальянский ученый воспринимает прежде всего смысл не «обиходного», а «общего» письма.⁴³ Петруччи критикует Маллона за смешение этого понятия с курсивом. Но курсив вовсе не был, замечает он, той единой системой моделей, на которую ориентировалось элементарное письмо; основой последнего в I в. н. э., очевидно, был капитальный шрифт с упрощенными начертаниями. Таким образом, состояние элементарного письма становится для Петруччи основным критерием, позволяющим определить, на какие нормы ориентировалось большинство пишущих, и право называться «общим письмом» признается лишь за тем типом письма, которому реально обучалась основная масса грамотных.

В 1977 г. вышел первый выпуск ведущего теоретического органа итальянской палеографии — ежегодника «Письмо и культура» («*Scrittura e civiltà*»). Можно ли считать случайностью, что его открыла обширная статья, посвященная именно истории древнеримского курсива, «сведению счетов» с теорией Маллона — Маришалья? Во всяком случае для нового теоретического издания потребность ясно определить свое отношение к активной и авторитетной французской школе была насущной и давно назревшей.

Статья, о которой идет речь, принадлежит двум авторам, Эмануэле Казамассиме и Елене Старац, и имеет название «Варианты и перемена в графике латинских папирусов: палеографические заметки».⁴⁴ Тема ее та же, что и статьи Ченчетти (1950 г.), и

⁴³ *Petrucchi A. Funzione della scrittura e terminologia paleografica.* — In: *Paleografia, diplomatica et archivistica: Studi in onore di Giulio Battelli.* Roma, 1979.

⁴⁴ *Casamassima E., Staraz E. Varianti e cambio grafico nella scrittura dei papiri latini: Note paleografiche.* — *Scrittura e civiltà.* Torino, 1977, fasc. I, p. 9—110. — Э. Казамассима — один из ведущих итальянских палеографов; известен также своими работами по истории гуманистической каллиграфии.

рассматривается она в общем под тем же углом зрения. Но, разумеется, за 27 лет, прошедших с тех пор, появилось много новых публикаций, и среди них начавшее выходить с 1954 г. под редакцией Брукнера и Маришала многотомное сводное издание «Древние латинские хартии» («Chartae Latinae antiquiores»). Одно открытие представляло особый интерес: в 1959 г. были опубликованы около 80 латинских папирусов, найденных при раскопках в месопотамском городе Дура-Евронос и составивших архив стоявшего там римского гарнизона за 208—256 гг.⁴⁵ Между тем Ченчетти как раз жаловался на практическое отсутствие памятникочного обычного письма для III в.; теперь эта лакуна заохлаждалась, и возникла задача проверить тезисы Ченчетти о роли обычного письма в переходный период на новых материалах.

Показ спонтанно складывавшейся многовариантности форм букв римского обычного письма в I—II вв. был исходным пунк-

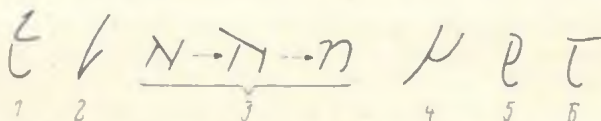

Рис. 3. Формы букв е, п и р в старом и новом римском курсиве, эволюция формы буквы п.

том аргументации Казамассимы и Старац. Уже для этого времени ими зафиксированы закрепившиеся затем в новом римском курсиве формы букв е (рис. 3, 1), п (образовавшаяся из капитальной формы по схеме на рис. 3, 3), р с замкнутой дужкой (рис. 3, 5); все они соседствовали с характерными для канцелярского стиля старого курсива формами этих букв (рис. 3, 2, 4, 6). Это те самые буквы, для которых Маллон подчеркивал невыводимость «новых» форм из «старых»; но их и не надо было выводить ни из старого курсива, ни из книжного письма, так как они уже существовали. С вариантами двух других ключевых (по Маллону) букв — b и a — мы уже познакомились (см. рис. 1, 2). Казамассима и Старац датируют появление буквы b с дужкой справа в курсиве папирусов III в. н. э. (все отмеченные Маришалем и Петруччи случаи ее более раннего спорадического применения отнеслись к эпиграфическим памятникам). В этом вопросе французская школа оказалась ближе к истине, но сама буква утратила свою привилегированную представительность. В I—II вв. ее варианты колебались между формами, показанными на рис. 1, 1, 4; переосмысление дукта последней формы и образование дужки справа было просто проявлением усилившегося расхождения между исходными вариантами. Остается неясным образование формы со-

⁴⁵ Welles C. B., Fink R. O., Gilliam J. F. (ed.). The Excavations at Dura Europos: Final Report. Vol. V, part 1. The Parchments and Papyri. New Haven, 1959. XXVII p., 457 p.

временного курсивного а; нельзя отвергать возможность развития по схеме, показанной на рис. 2, б (тогда мы имели бы как исключение случай выводимости формы нового курсива из формы старого), но прямых доказательств этого нет. Впрочем, появление этой формы столь же трудно объяснить и влиянием книжного письма.

Первоначально вариантные формы (а они имелись не только у пяти перечисленных, но и у многих других букв) воспринимались пишущими как вполне равнозначные и равноправные. Однако во II в. стремление к созданию специального курсива канцелярий приводит к сознательному отбору и стилизации эстетически однородных форм (как правило, более беглых); так и возникает «старый римский курсив» как парадный канцелярский шрифт. Процесс его оформления к началу III в. уже завершился; вероятно, решающие шаги были сделаны во второй половине II в., но об этом трудно судить из-за недостатка письменных памятников. Конкретно это значило, что в официальном канцелярском письме господствовали почерки, употреблявшие только формы «старого римского курсива», а в обычном письме все графические варианты по-прежнему употреблялись на равных основаниях. На второй стадии развития обычный курсив воспринимает формы, предпочитаемые в канцеляриях, как нечто ему чуждое и специфически канцелярское; в его недрах снова начинается процесс «селекции», и в новую серию объединяются варианты, отвергнутые канцелярским шрифтом и в целом более близкие к капитальным прототипам. Эта стадия завершилась уже к 230—240-м гг.: в ряде папирусов из Дура-Европос за эти годы уже заметно осознанное противостояние старому канцелярскому стилю «пового римского курсива» как беглого письма чиновников, стоявших выше простых канцеляристов-экспедиторов и не связанных канцелярской дисциплиной. На следующем этапе новый стиль начинает вытеснять старый и из парадного письма канцелярий. Вытеснение шло очень интенсивно; уже 267 г. датируется последний дошедший до нас документ из провинциальных канцелярий, исполненный в «старом римском курсиве». Однако центральную императорскую канцелярию этот процесс не затронул: там безраздельно господствовал старый стиль письма, все более воспринимавшийся как отличительная особенность императорских грамот, так что в 367 г. всем прочим канцеляриям уже было официально запрещено его употреблять.

Причины всех этих быстрых перемен авторы склонны искать в административной истории, связывая их с обновлением кадров бюрократического аппарата империи, с его «милитаризацией» в эпоху перехода к доминату.

Итак, Казамассине и Старац удалось развить и хронологически конкретизировать построение Ченчетти. В теоретическом плане их статья содержит ряд принципиально новых моментов. Как мы отмечали, важной заслугой Ченчетти было то, что он фактически показал, что нельзя сводить реальную историю письма римских

документов к упрощенным эволюционистским схемам; однако формально его теория еще позволяла мыслить в спонтанно-эволюционистских категориях развитие того самого обычного письма, где должны были осуществляться важнейшие, определяющие графические процессы, поскольку о его характере в переходную эпоху было тогда почти ничего не известно. Казамассима и Старац не оставляют эволюционизму и этого убежища, введя в палеографическую теорию понятие «селекции», сознательного отбора. Континуитет или цезура? Авторы справедливо подчеркивают, что оба понятия «оказываются неспособными отразить графическую реальность III века». ⁴⁶ Это упрощенное «или — или» само было порождением чисто эволюционистского подхода. «Новый римский курсив» как канцелярский стиль, подобно «старому», тоже возникает из недр обычного письма не бессознательно-эволюционным путем, но благодаря вполне осознанной «селекции», можно даже сказать, «антиселекции», поскольку ее основным принципом было отталкивание от итогов предыдущей «селекции», от «старого римского курсива». Соответственно и роль этого последнего усложняется: он представляет уже не просто тупиковый вариант развития, но и «полюс отталкивания» при формировании стиля-преемника. Механизм эволюции письма мыслится по сути дела как постоянное взаимодействие бессознательного и сознательного начал, а тем самым и развитие теории Ченчетти оказывается связанным с ее критикой, поскольку выясняется, что построить историю письма исходя лишь из чисто палеографических факторов все же невозможно и необходимость постоянной связи палеографии с историей культуры и общества выступает весьма наглядно.

Термин «обычное письмо» наши авторы понимают в сугубо конкретном смысле — как обычный курсив, беглое неканонизированное письмо документов, которое постоянно противопоставляется и «специальному» письму парадного канцелярского курсива, и книжному письму в целом. Понятие «нормативное письмо» не используется вообще. И хотя именно обычный курсив провозглашен «местом, где происходили графические перемены» в III в. (*la sede del cambio grafico*), ⁴⁷ реальный смысл этого подчеркиваемого тезиса гораздо ограниченнее, чем положения Ченчетти об определяющей роли обычного письма. Фактически он лишь означает, что в обычном курсиве спонтанно вырабатывались все формы, в дальнейшем отобранные и стилизованные парадным курсивом или книжным письмом. Но ведь фактор сознательного отбора, как мы убедились, имеет не меньшее значение в построении Казамассимы и Старац, а для этого отбора обычный курсив может дать лишь материал, но не принцип. Обычный курсив способен проецировать даже консерватизм: в нем гораздо больше, чем в парадных прифтах, сохраняются архаические формы букв, и поэтому обрат-

⁴⁶ Casamassima E., Staraz E. Op. cit., p. 81.

⁴⁷ Ibid., p. 80.

ное влияние на него каллиграфии канцелярского курсива или книжного письма необходимо для победы новых графических систем.⁴⁸

Переходя к вопросу о взаимоотношениях курсива и книжного письма, Казамассима и Старац стремятся избежать односторонности. Конечно, ни один книжный шрифт нельзя рассматривать как механическое воспроизведение курсивных порм — у письма книг есть свои осознаваемые особенности. Обратное влияние книжного минускула на окончательное утверждение «нового римского курсива» признается не только теоретически, но и фактически (для периода конца III—начала IV в.). И можно только присоединиться к мнению, что вопрос об отношении между книжным письмом и курсивом «нужно всякий раз изучать и интерпретировать исторически, поскольку... в каждый исторический период он решается по-разному».⁴⁹

При всем том наши авторы безусловно отстаивают примат курсивного письма над книжным в том отношении, что первоначальный творческий импульс, стихийно создававший новые формы букв, исходил из обычного курсива. Незадолго до появления работы Казамассимы и Старац этот подход получил логическое завершение в посвященной происхождению унциала статье шведского палеографа Я.-О. Чэдера, испытавшего сильное влияние итальянской школы, о чем следует сказать особо.⁵⁰

Маллон (как до него Скиапарелли) считал, что унциал возник позже первоначального минускула типа «*Eritome Livii*» (III в.) как результат компромисса с капитальным шрифтом, введения в минускул некоторых капитальных форм. Чэдер же исходил из сомнения: правдоподобно ли появление в унциале архаичных форм букв и не проще ли объяснить этот факт тем, что унциал возник раньше, когда данные формы еще не противоречили состоянию обычного письма. Приняв при этом для еще более архаичного шрифта фрагмента «*De bellis macedonicis*» маллоновскую датировку (конец I в.), Чэдер датирует складывание архаичного унциала уже II в., на два века раньше, чем предполагалось. Таким образом, все каллиграфические книжные шрифты — архаичский унциал (II в.), первоначальный минускул (III в.), полуунциал (V в.) — были выстроены в хронологический ряд в соответствии с ходом эволюции обычного письма; каждый из них рассматривался лишь как итог воздействия обычного письма своего времени.

Нетрудно заметить, что вся схема Чэдера, представляющая как бы «вывернутую наизнанку» теорию Маллона, носит еще более гипотетический, интуитивный характер. В частности, исход-

⁴⁸ «Новое письмо не достигнет совершенной формы... иначе как в тесной связи с книжным письмом» (*Casamassima E., Staraz E. Op. cit., p. 85*).

⁴⁹ *Casamassima E., Staraz E. Op. cit., p. 87*.

⁵⁰ *Tjäder J.-O. Der Ursprung der Unzialschrift. — Basler Zeitschrift für Geschichte und Altertumskunde. Basel, 1974, Bd LXXIV, S. 9—40.*

ное сомнение Чэдера было бы легко отвести, стоило только предположить, что книжная каллиграфия обладала определенной самостоятельностью, позволявшей ей (по аналогии хотя бы с каллиграфией нового времени) синтезировать компромиссные между старыми и новыми нормами, «бастардные» виды шрифтов. Однако вопрос о собственной активности книжной каллиграфии, о ее способности творить исходя из собственной, книжной графики, а не только из материалов, даваемых курсивом, остался вне рассмотрения и Чэдера, и солидарных с ним Казамассимы и Старац.

Итак, к настоящему времени позиции французской и итальянской школ по вопросам истории древнеримского письма разошлись до открытого и ярко выраженного противостояния. Пока не видно возможностей синтеза обеих теорий, который мог бы иметь ценность лишь при опоре на прочный фундамент конкретно-исторического анализа. Главным препятствием является, конечно, недостаток источников в сочетании с их неравномерностью: слишком мало дошло до нас образцов древнеримского книжного письма, и среди них почти нет уверенно датированных фрагментов. Расширение круга источников в основном за счет курсивных материалов означало и рост этой неравномерности. Поневоле гипотезы исследователей книжного письма, носящие интуитивный характер, сейчас уже очень сильно контрастируют с несравненно более документированными работами по истории курсива. Понятно поэтому, что инициатива в споре принадлежит итальянской школе, стоящей на позициях примата курсива.

Можно констатировать, что в настоящее время французская школа стоит перед необходимостью ответа на критику, высказанную итальянскими палеографами. Теория Маллона—Маришалья, как мы видели, уже существенно уточнилась за время ее существования. Однако сейчас задачи ее сторонников сильно усложняются из-за того, что их важнейший аргумент о цезуре в развитии римского курсива перестает работать ввиду обнаружившейся непригодности самого понятия «цезуры» (как и «континуитета») для характеристики всей сложности графических процессов.

Передовая теоретическая палеография уже далеко ушла от формального классификаторства, от «генеалогических» и упрощенно-эволюционистских схем развития, характеризовавших палеографию в XIX в. Крупным достижением стало обогащение и усовершенствование понятийного аппарата палеографии. Важно отметить, что при этом все более осознавалась необходимость постоянного учета не только специфических для палеографии «технических» факторов, но и всего историко-культурного и социального «фона», многообразных связей палеографии с другими отраслями исторической науки. И, подводя итоги, можно сказать, что именно развитие палеографической теории явилось тем позитивным результатом дискуссии о путях эволюции древнеримского письма, достижению которого способствовали все ее участники.